

ГЛЕБ
УСПЕНСКИЙ

ЖИВЫЕ ЦИФРЫ

T8 RUGRAM

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
У77

Успенский, Г.И.

У77 Живые цифры / Г.И. Успенский. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2018. — 176 с. — (RUGRAM-КЛАССИКА).

ISBN 978-5-519-66335-9

В нашем новом проекте вы найдете как книги из «золотого фонда» классической русской литературы, так и редкие, почти забытые, произведения авторов, оставшихся в тени своих великих современников. Эти книги не утратили самобытной актуальности, сегодня, как и сто лет назад, они определяют пути русской культуры, ищут ответы на «проклятые вопросы».

Без этих книг невозможно понять кто мы, кем мы были, куда движемся. Мы отобрали для вас самые важные тексты русских классиков, представили их в наиболее полных редакциях, без каких либо сокращений и цензурных изъятий, и составили серию RUGRAM-КЛАССИКА.

Вашему вниманию представляется книга Глеба Ивановича Успенского «Живые цифры».

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FС
ВІSAC FIC000000

ISBN 978-5-519-66335-9

© Т8 RUGRAM, оформление, 2018
© Т8 Издательские технологии, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ЖИВЫЕ ЦИФРЫ (из записок деревенского обывателя)....	5
I. «Четверть» лошади.....	7
II. Квитанция.....	26
III. Дополнение к рассказу «Квитанция».....	37
IV. «Ноль — целых!».....	57
КНИЖКА ЧЕКОВ.....	89
МЕЛОЧИ.....	123
1. Дворник.....	125
2. По черной лестнице.....	134
3. Обстановочка.....	152
НАРОДНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ.....	167

ЖИВЫЕ ЦИФРЫ
(ИЗ ЗАПИСОК ДЕРЕВЕНСКОГО
ОБЫВАТЕЛЯ)

I. «ЧЕТВЕРТЬ» ЛОШАДИ

1

...Кажется, во всей «нашей округе» нет среди местной обывательской интеллигенции (даже самого высокого сорта) такого страстного любителя местных статистических «данных», каким совершенно неожиданно оказался я, деревенский обыватель, пишуший эти строки. Огромные кипы и связки изданий статистического комитета, обязательно получаемые деревенской, обывательской интеллигенцией, постоянно и повсюду производили и производят на нее какое-то удручающее впечатление. Получишь, бывало, такую толстую книгу, поддержишь в руке, почему-то непременно вздохнешь и положишь на полку; так эти книги и покоятся недвижимо там, где их положат. А между тем только ведь в этих-то толстых скучных книгах и сказана цифрами та «сухая» правда нашей жизни, о которой мы совершенно отвыкли говорить человеческим языком, и нужно только раз получить интерес к этим дробям, нулям, нуликам, к этой вообще цифровой крупе, которою усеяны статистические книги и таблицы, как все они, вся эта крупа цифр начнет принимать человеческие образы и облекаться в картины ежедневной жизни, то есть начнет получать значение не мертвых и скучных знаков, а, напротив, значение самого разностороннейшего изображения жизни.

И все-таки, не случись со мной одного самого (как увидит читатель ниже) ничтожного обстоятельства, я бы никогда не вошел во вкус этих, покрытых какою-то черною мушкетерской, страниц и никогда бы не понял многозначительности выводов из этой цифровой мушкетерской, всегда казавшихся мне, как коренному «обывателю», совершенно нестоящим делом и пустопорожним словоизвержением. Никогда не думая серьезно вникать в это дело, мы, однакож, не прочь иной раз вложить в цифры и собственный свой смысл, сделать собственные свои выводы, и всякий раз делаем это, конечно, только «для смеху». Бывают в нашей пустопорожней обывательской жизни такие минуты, когда мы умеем облаивать все в настоящем порядке вещей. Вот только в такие-то минуты универсального облаивания текущей действительности, в числе прочих, подлежащих облаиванию сюжетов, не минует нашего издевательства и статистика, не минует только потому, что настроение минуты требует всестороннейшего облаивания жизни.

— В деревне Присухине, — издевается в такие минуты какой-нибудь обыватель, — школа имеет тридцать учеников, в деревне Засухине двадцать, а в деревне Оплеухине всего два ученика... Из этого, изволите видеть, следует такой средний вывод, что средним числом на школу — по семнадцати человек и еще какой-то нуль, да еще и около нуля какая-то козявка... Это все равно, ежели бы я взял миллионщика Колотушкина, у которого в кармане миллион, присоединил к нему просвирню Кукушкину, у которой грош, — так тогда в среднем выводе на каждого и вышло бы по полумиллиону. Просто нужно за что-нибудь деньги брать! Очень просто!

— Да! Из-за чего это Болванкин на собрании с своим кирпичом совался? — спрашивает кто-нибудь во время этого

обличительного монолога. «Кто-нибудь» спрашивает просто зря, от нечего делать. Но так как «облаивание» коснулось статистики, то немудрено услышать и ответ на этот случайный вопрос, подходящий к подлежащей облаиванию теме.

— А как же! — отвечает другой из занимающихся облаиванием собеседников. — По статистическим данным, на каждую печную трубу приходится шесть рождаемостей, а на каждую курную избу две рождаемости и четыре смертности. Следовательно, ежели земство купит по дешевой цене кирпич у Болванкина и станет раздавать его бабам для устройства печей-голландок в курных избах, то сейчас же бабы будут производить шесть процентов рождаемости — и, следовательно, купец Болванкин отличнейшим образом продаст свой кирпич, который у него уж и так развалился и который со всем, с заводом и с Болванкиным, стоит грош. Как же ты этого не понимаешь? Нет, брат!.. Тут в среднем выводе можно запустить лапу очень хорошо!..

Известный обывателю склад и строй окружающей его жизни, в котором слово «хапнуть» играет не последнюю роль, невольно заставляет его прилагать этот господствующий принцип и к такого рода явлениям жизни, которых он даже и не понимает совершенно, в которых ровно ничего не смыслит. Неудивительно, что в те редкие минуты праздного лаянья на всех и вся, когда, за истощением облаиваемого материала, на зубок обывателя попадаетея и такой неприкосновенный материал для разговора, как статистика, основной принцип «хапнуть» не покидает соображений обывателя, и он прикладывает его там, где принцип этот не имеет никакого значения. И, говоря откровенно, я не знаю ни одного статистического «столбца», который не был бы истолкован нашими коренными деревенскими обывателя-

ми именно в этом последнем смысле. И я помню положительно только один случай, когда облаиванье, начавшееся «от нечего делать» и добравшееся за истощением материала до статистики, вдруг должно было замолкнуть за полнейшей невозможностью приткнуться к облаиваемой цифре хоть каплю принципиального во всех облаиваниях обвинения, то есть слово «хапнуть», казалось, готовое сорваться с языка, вдруг не сорвалось, и облаиватель только стал в тупик.

— Неведомо чего уж и писать стали! — говорил мне однажды один из таких облаивателей, зайдя попить чайку и от нечего делать перелистывая «обзор» нашего уезда, только что полученный с почты... — Уж даже и неведомо до чего доболтались!

— Что такое?

— Одна, вишь, *четверть* лошади приходится, извольте видеть, на каждую какую-то там квадратную, что ли, душу. Ну что ж это означает, позвольте вас спросить?

— Как квадратную душу? Что вы, Иван Иваныч!

Иван Иваныч посмотрел в книгу и сказал:

— Ну, пес с ней! ну, ревизскую, что ли! Но что ж означает *четверть* лошади? Какая такая лошадиная четвертая часть? Которая же первая-то часть у ей? Это даже, прямо сказать, — насмешка одна!

— Ну как же так!

— И очень просто!.. Положительно одно издевательство!.. С кирпича, с беременной бабы, с трубы все можно что-нибудь взять и даже в карман положить... А это уж — чорт знает что! *Четверть* лошади!..

Лично я хотя и мог бы совершенно иначе понимать эти «цифры», подлежащие облаиванию на разные лады, но, говоря по совести, обжившись с деревенскими обывателями,